Л. БАКСТЪ

СЕРОВЪ И Я ВЪ ГРЕЦІИ

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСИ

СѢРОВЪ И Я ВЪ ГРЕЦІИ

Л. БАКСТЪ

СѢРОВЪ И Я ВЪ ГРЕЦІИ

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСИ

1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

I

ПЕРЕДЪ КАНЕЕЮ

Четыре часа стоянки передъ Канесю. Солнечное весеннее утро. Тихо и ровно подплываетъ переполненный пароходъ... Качка еле замѣтна; блаженное чувство облегченія — конецъ морской болѣзни.

Бѣгу по палубѣ, задѣваю за теплые, смолистые канаты, съ волненіемъ гляжу на незнакомый, величественный островъ — какая неожиданная Грецiя! Вереницы песчано-красноватыхъ утесовъ перерѣзаны темно-желтыми горизонтальными линiями крѣпостей, гдѣ — издали игрушечные — крохотные солдатики маршируютъ колоннами. Выше — разсыпанныя стада пепельно-сѣрыхъ оливковыхъ рощъ; еще выше — опять нагіе утесы — дикіе, классическіе, испещренные, какъ леопардова шкура, неправильными темно-коричневыми пятнами.

Серебряное утреннее небо льетъ вокругъ бодрый, слѣпящій свѣтъ, ласкаетъ бѣлые, чувственные купола турецкихъ построекъ, больно припекаетъ мнѣ шею, сапоги, руки...

Я прячу ихъ въ карманы и съ изумленіемъ нащупываю эротическія фотографіи, которыя мнѣ навязалъ вчера на палубѣ старый, грязный грекъ, въ минуту отплытія изъ Пирея... Бросаю снимки въ воду — жалкіе, ночные афродизіаки — нелѣпые въ этой бодрой, проснувшейся природѣ.

Вѣтерокъ несетъ съ берега притягательный прѣсный запахъ острова... Чѣмъ это пахнетъ? нагрѣтою зеленью, апельсинными цвѣтами, нѣжнымъ дымомъ!..

Ярко-голубое разстояніе отъ парохода до маленькаго порта пестритъ движущеюся массою парусныхъ фелюгъ, лодченокъ съ гребущими, ерзающими и орущими туземцами. На кормахъ — оранжевыя, зеленыя, красныя тряпки — рваныя, пузырящіяся подъ вѣтромъ... Лодочники голосятъ непонятныя фразы по нашему адресу, отчаянно жестикулируютъ; яростно отпихиваются отъ конкурентовъ веслами — напрасная трата силъ: мы не слѣзаемъ въ Канеѣ.

Насъ берутъ приступомъ. По командѣ съ палубы, пароходъ моментально обвисаетъ, какъ елка на Рождествѣ, живописными, смуглыми и темно-красными критянами. Изъ за упорнаго галдежа — не слышно собственныхъ словъ... Мы улыбаемся другъ другу, одурѣлые, ослѣпленные солнцемъ; въ одно мгновеніе опьяненные шумною толпою, тысячью неожиданныхъ, экзотическихъ красотъ...

Среди мужчинъ на палубѣ — движеніе: новые пассажиры — четыре молоденькія итальянки, во главѣ съ «madre», жирною бабою, лѣтъ пятидесяти, смуглою до черноты и хищною, какъ ястребъ. Вся компанія — весьма подозрительна; четырехъ мужчинъ, сопровождающихъ дѣвушекъ, можно принять не то за музыкантовъ изъ румынскихъ бродячихъ оркестровъ, не то за неаполитанскихъ приказчиковъ, разряженныхъ въ воскресную прогулку.

Одна изъ молоденькихъ итальянокъ, съ (до-смѣшнаго) маленькими ручками и ножками, выдѣляется среди другихъ своею живою безцеремонностью. Крохотная, наглая — она задорно бѣгаетъ одна по палубѣ, помахивая кожанымъ хлыстикомъ, крутя маленькими бедрами.

У нея большой, дерзко-вздернутый носъ («труба» — окрестилъ Сѣровъ), усики и матовые черно-синіе волосы, грубые, какъ лошадиный хвостъ.

Появленіе этого мальчишки въ юбкѣ подтягиваетъ рабочую публику — крякаютъ, сочувственно улыбаются... пастухи-критяне, въ грязныхъ овечьихъ куртахъ въ накидку, крутятъ усы, сплевываютъ въ сторону.

А галдежъ на палубѣ все продолжается. Мимо насъ снуютъ носильщики, потные, вонючіе, сопя подъ тяжелыми, окованными сундуками. Вотъ тащатъ узлы, увязанныя корзины; что-то давно немилое поражаетъ глазъ... Да нѣтъ, вѣрно, тащатъ знакомые, отвратительные стулья съ Апраксина двора — нѣтъ сомнѣнія, ибо за ними русскій солдатъ, настоящій русскій солдатъ, перегруженный швейною машиною, картонками отъ шляпъ и огромною, завязанною въ камчатную скатерть, клѣткою.

Вотъ еще четыре русскихъ солдата, въ пыльныхъ сапогахъ съ голенищами, по которымъ — точно невзначай — гуляетъ кожаный хлыстикъ итальянки.

Сѣровъ вступаетъ съ солдатами въ обстоятельный, старо-московскій разговоръ: кто, откуда и почему здѣсь?

Оказывается — гарнизонъ (русскій) стоитъ въ Рэтимно. Полковница ѣздила на дачу въ Кансю — возвращается.

Подъ ихъ мѣрное калянканье, я примащиваюсь, достаю альбомъ, раздвижную скамеечку и принимаюсь рисовать силуэтъ острова.

А мимо насъ все бѣгаетъ, играя глазами и пощелкивая хлыстикомъ, крохотная итальянка; другія три дѣвицы церемонно разсѣлись попарно съ нарядными кавалерами въ яркихъ шелковыхъ рубашкахъ и башмакахъ съ помпонами.

— Это кто-жъ такія? косится Сѣровъ на воркующія пары итальянокъ.

— Гэто, вдругъ осклабляется разговорчивый малороссъ, — извѣстно кто — стэрвы!..

— Да-а... а куда-жъ онѣ ѣдутъ?

— Ѣдутъ?.. Въ Рэтимно, тоже, ѣдутъ — изъ Канеи выселяютъ... Тутъ гисторія вышла... Халудиса мальченка вдругъ къ вечеру пропалъ...

— Какой Халудисъ?

— Полковникъ здѣшній, хрэческій — рядомъ съ нашими квартируетъ. Гарнизонный. Ну, вотъ — этому мальченку четырнадцатый годъ. Пообѣдали — онъ и пропалъ, исчезъ совсѣмъ. Ищутъ яво часъ, два — весь вечеръ ищутъ: нѣтъ какъ нѣтъ нигдѣ... Туда, сюда... Мамаша ихняя перепужались очень, отъ моря отворачиваются, у кіота валяются на полу. Стонъ стоитъ въ домѣ — прямо смѣхъ!

— Ну и что-же?

— А ничего. Клеопатра, ихняя горничная научала... Вы, говоритъ, вѣрьте или нѣтъ, а мальченка въ солдатскомъ заведеніи — ей, ей, такъ и сказала. Ну, полковница разсердилась: я тебя, Клеопатра, по шеѣ — сама мальченку всему обучила, дерзкая, шлюха, такъ сказать. Да-съ. Однако полковникъ Халудисъ послушался; отрядилъ своего деньщика, да меня съ Геннадіемъ прихватили. Такъ мы втроемъ и поперли туда. Потѣха! Рано больно — стыдно стучаться... изъ оконъ на солдатовъ глаза всѣ пялятъ — приспичило, небось... Анъ нѣтъ, ошибаешься, за дѣломъ пришли!

Ну, отворили намъ. Мы, говоримъ, не за этимъ — подавайте намъ полковницкаго мальченка, а то... Ну старуха, туда-сюда, божится, клянется: ни кого, то есть, ни души, въ сей часъ, гостей...

— Что-же, повѣрили?

— Какое — не повѣрили. Шасть по спальнямъ, да еще съ ружьями на перевѣсъ, вашескородіе! Смотримъ — въ одной отдѣленіи, мальченка у энтой самой чернавки, съ позволеніемъ сказать, въ ясляхъ лежитъ!

Хохолъ, усмѣхнувшись, показалъ корявымъ пальцемъ на бѣгавшую итальянку...

— Вотъ такъ оказія, изумился Сѣровъ, что-же мальчику?

Солдатъ опять засмѣялся.

— Два дня пороли, къ кіотамъ на голыя колѣнки ставили. Въ баню водили, кропили — смѣху! А Халудисъ осерчалъ. Всѣхъ вонъ — кричитъ — заведенію закрыть, бандершу — къ штрафу! Вотъ и выселили, процѣдилъ хохолъ, слѣдя за итальянкою.

Но та сочувственно засмѣялась, точно догадываясь, о чемъ идетъ рѣчь, и пробѣгая, дернула солдата хлыстикомъ по голенищамъ.

— Но-но, прорва, сука, зарычалъ басомъ на нее солдатъ и, смущенно оглянувшись вокругъ, къ чему то почистилъ рукавомъ голенищу.

Поднявъ брови, Сѣровъ неторопливо разсматриваетъ небрежно-великолѣпныхъ кавалеровъ — точно альбомъ пересматриваетъ...

А у нихъ прощальный разговоръ — очевидно. Кавалеры остаются. Одна изъ дѣвушекъ, блондинка съ золотисто-темноватою кожей, плачетъ, положивъ хрупкую голову въ свѣтлыхъ кудеркахъ на жилетъ своего грузнаго друга.

И жалко ее и рисовать больше не хочется. Смотрѣть-бы все на эти странныя парочки — да совѣстно: кажется, что стѣсняю. Нехотя, покидаю свой постъ, иду по палубѣ, гляжу внизъ, въ третій классъ, гдѣ матросы изъ насоса окачиваютъ палубу и, кстати, быковъ, вчера вечеромъ бѣлыхъ, «Зевсуподобныхъ», а теперь грязныхъ, совершенно облѣпленныхъ навозомъ, въ которомъ они валялись ночью, между бочекъ съ виномъ и соленою рыбою...

Истерично визжитъ блокъ; низко гудитъ подъемная машина, зацѣпляя, поднимая и опуская кули съ

коринкою, рваные, цвѣтные узлы, архаическій тарантасъ...

Становится нестерпимо жарко; недавнее оживленіе постепенно смѣняется дремотною истомою.

Однако Сѣровъ не унимается.

— А купанье здѣсь хорошее? продолжаетъ допрашивать его басокъ.

— Купанье? вяло переспрашиваетъ солдатъ и задумывается...

— Та, хрэки купаются, наконецъ вспоминаетъ малороссъ.

На скамейкахъ парочки очень нѣжны — и теперь уже всѣ безцеремонно уставились на нихъ.

Даже черномазая итальяночка остепенилась и, присѣвъ на короткихъ ножкахъ, подлѣ своего румына, болтаетъ въ воздухѣ новенькими лакированными башмаками, сверкающими какъ лезвіе ножа на солнцѣ.

Вотъ уже четверть часа, какъ румынъ что-то дѣловито и насупленно ей разсказываетъ, важно выпятивъ волосатую грудь въ разстегнутой шелковой рубашкѣ — но итальянка равнодушно слушаетъ, продолжаетъ болтать ножкой и даже посвистываетъ.

Видно, что кавалеръ, истощивъ краснорѣчіе, обидѣлся; его толстые смуглые пальцы досадливо начищаютъ объ панталоны крупныя серебряныя кольца съ камешками...

Быть бурѣ... Сѣровъ тоже полагаетъ, что кончится скандаломъ. Однако — нѣтъ; кавалеръ перемѣнилъ тактику: согнувшись и чуть отвернувшись отъ насъ, онъ шопотомъ упрашиваетъ ее, въ минорномъ тонѣ — его одинъ нафабренный усъ упалъ и ротъ, полный слишкомъ бѣлыхъ зубовъ, скривился въ плаксивую гримасу...

Я невольно засмѣялся. Засмѣялась и дѣвушка, поймавъ мой взглядъ, и приподнявъ юбку, достала изъ

за чулка кошелекъ, аккуратно отсчитала нѣсколько бумажекъ и сунула румыну за волосатую пазуху...

Тотъ изъ подлобья кинулъ мнѣ мрачный взглядъ и молча снялъ съ мизинца серебрянное кольцо. Итальянка его взяла, надѣла на свой слишкомъ тонкій палецъ, поболтала имъ въ воздухѣ и спокойно спрятала кольцо въ кошелекъ...

Двѣнадцать часовъ. Пароходъ начинаетъ оживать, сотрясаться, разводить пары. Съ берега, впопыхахъ, вернулся Сѣровъ, съ надвинутою на носъ панамою, красный, довольный; въ короткихъ и крѣпкихъ ручкахъ—картузъ съ огромными, сочными апельсинами. Мы жуемъ съ наслажденіемъ, плюемъ зернушки за бортъ — въ «разведенный анилинъ», какъ Сѣровъ называетъ здѣшнее голубое море...

Внизу, на водѣ — оживленіе; на фелюгу спустили четырехъ сутенеровъ. Нельзя больше походить на нихъ; подъ безпощаднымъ солнцемъ ихъ группа въ широкихъ парусиновыхъ штанахъ, плюшевыхъ жилетахъ и пыльныхъ котелкахъ — источникъ ѣдкаго остроумія на палубѣ; должно-быть имъ мстятъ за «успѣхъ»...

Но вотъ лодка взмахиваетъ веслами, ныряетъ носомъ... На палубѣ дамы вытащили бѣлые платочки — снизу отвѣчаютъ яркими фулярами. Рулевой, худой, долгоносый итальянецъ, досталъ мандолину и звонко выщипываетъ:

„Addio, mio bello Napoli, addio, addio"...

Кудрявая блондинка роняетъ за бортъ слезинку за слезинкою — часто, дробно и то отираетъ покраснѣвшія вѣки, то машетъ отяжелѣвшимъ, мокрымъ платкомъ...

Въ каюту ее ведутъ подъ руки; по потупленнымъ лицамъ пассажировъ видно, что имъ жаль ее. Она кажется такой растерянною, жалкою. Голубые, напухшіе глаза не перестаютъ струиться...

Я пошелъ потомъ смотрѣть ее; въ полутьмѣ общей каюты второго класса, гдѣ мѣрно стучала сосѣдняя машина, было нестерпимо душно, пахло уксусомъ, женщинами; блондинка лежала на деревянныхъ нарахъ, уткнувшись въ цвѣтную подушку. Возлѣ нея суетилась толстая „madre“, обмахивала ее вѣеромъ, наливала капли на сахаръ...

Бѣдняжку тошнило.

II

ОЛИМПІЯ

I

Властная, торжественная, звѣздная ночь. Мы сидимъ на палубѣ огромнаго Ллойда, приподнявъ воротники отъ слишкомъ настойчиваго, освѣжающаго вѣтра.

Наша нескончаемая бесѣда о далекой, античной Греціи ведется вполголоса, хотя мы совершенно одни на палубѣ.

Время отъ времени разговоръ смолкаетъ и неторопливыя мысли осторожно и тщательно провѣряютъ и претворяютъ сказанное... Сколько новыхъ впечатлѣній! Неожиданность ихъ сбила въ нестройную кучу всѣ прежнія, еще Петербургскія представленія объ героической Элладѣ — приходится все переиначить, упорядочить: «классифицировать».

Лицо Сѣрова — близко, близко. Легкій запахъ послѣобѣденной сигары еще не покинулъ его усы и бороду. Онъ думаетъ про себя, и медленно блуждаютъ и щурятся его глазки — забавное сравненіе лѣзетъ въ голову: «слонъ», «маленькій слонъ»... Похожъ!

Даже его трудный, медлительный процессъ мышленія, со всѣми осторожностями, добросовѣстностями, со всѣми «да, но», «однако-же», «ну все-же» — фигурально напоминаетъ слона, спокойнаго, вдумчиваго, осторожно и удобно расположившагося на газонѣ. Сравниваю, любуюсь, утверждаю.

Цѣлое утро, цѣлый день мы плывемъ по спокойно зыблющемуся архипелагу, прячась за трубами и капитанской каютой отъ назойливо припекающаго солнца,

а сейчасъ блаженствуемъ: влажный солоноватый воздухъ, почти теплый, точно ласкаетъ легкія.

Я медленно встаю, почти ощупью передвигаясь въ густой полутьмѣ, насыщенной терпко-пахучими насмоленными канатами; пристраиваюсь у бака, стараюсь разглядѣть на горизонтѣ волнистую линію материка.

Не могу простить себѣ, что въ такую-же торжественную какъ органный гимнъ, ночь, мѣсяцъ тому назадъ — я позорно спалъ въ душной каютѣ, мучимый кошмарами да предчувствіемъ морской болѣзни, а Сѣровъ... всю ночь онъ плылъ, поднявъ воротникъ лѣтняго пальтишки, одинокій на палубѣ — точно одинъ на греческой триремѣ — мимо малоазіатскаго берега, мимо *Трои*... Я думалъ не о томъ, что онъ увидѣлъ что-либо необыкновенное; но трепетное чувство близости (можетъ быть, атавическое, кто знаетъ?), *страшной* близости въ такую ночь къ старымъ берегамъ, къ *настоящей Троѣ* нашихъ безсонныхъ ночей — этому я позавидовалъ; и до сихъ поръ досада упущенныхъ рѣдкихъ волненій еще не совсѣмъ улеглась...

Я стою ужъ полчаса, часъ — глядя въ эту все темнѣющую ночь, въ тяжкій смѣнъ ночной волны, въ раскинутыя по бокамъ парохода пѣнящіяся простыни — больше не могу; усталый, сажусь на связку крупныхъ канатовъ; въ полутьмѣ едва различаю сутулую спину съ поднятымъ воротникомъ Сѣрова.

Очевидно, онъ не дремлетъ; все «думаетъ свою думу». Ахъ, упрямый, милый «слонъ»... О чемъ размышляетъ онъ сейчасъ, подъ вѣтромъ, треплющимъ его косицы, подъ заглушенное гудѣнье пароходной машины и свѣжіе всплески разбѣгающейся воды?

Гдѣ его мысли? Въ Греціи Миноса? Въ Москвѣ въ оставленной семьѣ? Или подлѣ недавней болѣзни, ужасной, таинственной, гдѣ Смерть признала его, завязала узелокъ платка?

Здѣсь, на палубѣ, передъ темно-колеблющеюся перспективою архипелага, — подъ бездоннымъ куполомъ, звѣздно-пестрящаго чернаго неба — мы точно глазъ на глазъ съ неизмѣримостью. Вѣчный законъ о смерти — преображеніи витаетъ вокругъ; я-провидецъ, *я трогаю* «небытіе», прошедшія поколѣнія, бездны будущности; бездны пространства, передъ которымъ море—милое озеро въ Павловскѣ; *я трогаю* саму Смерть, такую мощную, такую гигантскую, что мнѣ становится стыдно бояться, будто Она можетъ открыть дверь, ходить, стучать, костлявая въ комнатѣ — какое дѣтство!..

Свѣжѣетъ. Дрожь пробѣгаетъ по спинѣ; глаза пріятно смежаются — заснуть? Но чистенькая, вся бѣлая подъ риполиномъ каюта — душна, пахнетъ лакомъ и тѣмъ особеннымъ запахомъ, который я не хочу признать за результатъ хроническихъ морскихъ припадковъ.

Рѣшаю спуститься за теплымъ пальто и плэдомъ и подсаживаюсь къ Сѣрову; разстилаю плэдъ на наши колѣни.

Онъ дремлетъ — однако; и сквозь сонъ бормочетъ что-то благодарственное. Мы оба засыпаемъ подъ баюкающій скрипъ снастей и мѣрный плескъ разсѣкаемой воды. Медленно текутъ часы. Морфей, братъ Смерти, ведетъ насъ, крѣпко взявъ за руки, въ старыя, когда-то видѣнныя страны. Хорошо такъ засыпать на морѣ...

II

Юное солнце будитъ насъ, слѣпя глаза и пріятно нагрѣвая остывшіе, закостенѣвшіе члены. Мы подплываемъ сейчасъ къ Патрасу. Вотъ длинныя набережныя, гдѣ можно уже разобрать горы сваленныхъ тюковъ, мѣшковъ, боченковъ; всюду развѣшано тряпье, сохнутъ паруса, сѣти; кое гдѣ жалкіе пароходики, точно грязные самовары, среди груды трактирныхъ чашекъ и блюдечекъ, оцѣплены массою разноцвѣтныхъ фелюгъ, разгружающихъ товаръ — обычная картина средиземнаго порта. Надъ всѣмъ этимъ геометрическія линіи то скученныхъ, то растянутыхъ построекъ съ безчисленными черными окнами, гдѣ не ищешь ни добра, ни чистоты, ни веселья; все драма, пьянство, развратъ, матросы и саженная ругань; такъ — всегда вижу портъ. Мы осторожно пробираемся между остро пахнущими бочками, среди грязной цвѣтной ветоши, всюду мѣшающей намъ. Наша гостиница — сейчасъ; тоже — огромная, многооконная и мрачная — хорошая декорація для бульварной мелодрамы изъ портовой жизни. Тутъ Греціи, не говорю ужъ античной, но и современной — очень мало; если бы не албанцы въ бѣлыхъ балетныхъ юбочкахъ и досадныхъ туфляхъ съ помпонами, да еще изобиліе кулей съ коринкою — отъ нихъ за версту пахнетъ дѣтствомъ, патокою — нельзя признать Патрасъ за греческій портъ.

У входа, хозяинъ гостиницы, маленькій старичокъ, чистенько одѣтый, въ бѣломъ галстучкѣ съ кра-

сымъ горошкомъ, привѣтствовалъ насъ на французскомъ языкѣ...

Пресладко улыбаясь, онъ дѣлалъ послѣ каждой фразы короткіе полупоклоны, манерно и забавно жестикулируя. Мы поняли изъ его витіеватыхъ любезностей, что нашъ пріѣздъ ему уже извѣстенъ, такъ какъ «кумпанія», гдѣ мы взяли круговой билетъ по материку Греціи, распорядилась заблаговременно.

— «Только, мусью, я долженъ предупредить васъ, шепелявилъ онъ, въ Олимпіи вы будете, къ сожалѣнію, совершенно одни въ гостиницѣ... но ужъ разъ «кумпанія» рѣшила выдать билетъ, — я вашъ слуга.» —

Сѣровъ смотрѣлъ недоброжелательно на его чисто выбритое сѣдое личико, на густыя сѣдыя брови и такую-же густую, но уже черную растительность, выбивавшуюся изъ носу и ушей, и иронически поклонился — ни дать, ни взять самъ хозяинъ.

— «Это намъ будетъ очень пріятно, знаете-ли, если мы будемъ одни — намъ общества не надо на этотъ разъ.»

Старичекъ чуть смутился, вида однако не подалъ; но когда чемоданы уже были водворены въ просторной и унылой комнатѣ съ двумя постелями, онъ сталъ картинно у двери и съ тѣнью упрека въ голосѣ сообщилъ, что завтра посылаетъ съ нами, на нашемъ-же пароходѣ, спеціально для насъ, повара и служанку — „une bravo et pieuse femme“.

Мы переглянулись.

— «Къ чему намъ патрасскій поваръ?» буркнулъ Сѣровъ.

Старичокъ сдѣлалъ короткій полупоклонъ.

— «Какъ я уже предупредилъ „ces moussiaux“ въ „Grand Hotel d'Olympia“ нѣтъ никого, и онъ уже мѣсяцъ какъ закрытъ».

Я опѣшилъ.

— «Закрытъ? переспросилъ я, отчего закрытъ?»

Мой вопросъ оказался топографической наивностью. Хозяинъ, кажется, не безъ яда пояснилъ намъ, что въ этотъ періодъ года — Олимпія просто *необитаема*... Это и въ Бедекерѣ сказано... («Я тебѣ говорилъ — надо было купить Бедекера», заоралъ я Сѣрову по русски.) Масса змѣй, линяющихъ въ эту пору, лихорадки, тропическая жара — разгоняютъ населеніе, богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ два мѣсяца...

Послѣ обѣда Сѣровъ курилъ сигару и, несмотря на это, былъ агрессивенъ и ѣдокъ. Я спрашивалъ себя, воспріимчивъ-ли я къ лихорадкѣ и посылалъ къ чертямъ «кумпанію» — ну чего-бы предупредить... да нѣтъ, жадность греческая обуяла! Вечеръ былъ испорченъ. Къ довершенію, Сѣровъ сталъ дразнить меня:

— «Послушай, Бакстъ, если старушка рекомендована какъ „une brave et pieuse femme", а поваръ, о которомъ никакой рекомендаціи не было сдѣлано — очевидно пьяница, греческая пьяница, и греческій безбожникъ, а по здѣшнимъ нравамъ это хуже всего; значитъ, дѣла своего не знаетъ — слѣдовательно — (Сѣровъ передразнилъ мои «слѣдовательно») ѣда будетъ отвратительная и *не-здо-ро-вая* — заключилъ онъ глядя мнѣ въ зрачки — да-съ, Бакстъ, Вашему гурманству въ Олимпіи — крышка.

Но я былъ такъ удрученъ и неврастениченъ, что могъ только неувѣренно спросить:

— «Не плюнуть-ли, Валентинъ, на Олимпію? Поѣдемъ прямо въ Дельфы»..

Но онъ только поднялъ комично свои маленькія руки.

III

Дорога въ музей прячется среди песчано-желтыхъ руинъ, которыми пестритъ вся Олимпія. По обѣимъ сторонамъ, куда ни глянь — точно оставленныя каменоломни; все въ этотъ жаркій часъ печально, покинуто, запущено; пыльными щетками высятся сѣро-зеленые кусты — акацій; между одинокими, облупленными колоннами обожженные платаны поднимаютъ молящія сучья; глубокія дупла хитро-раскаряченныхъ оливковыхъ деревьевъ прячутъ, по нашему мнѣнію, змѣй — каждое шуршаніе кажется подозрительнымъ... Врагъ повсюду — въ небѣ — раскаленномъ и парномъ, въ окружныхъ болотныхъ міазмахъ; по дорогѣ, гдѣ всюду сѣрѣютъ кучки слинявшихъ змѣиныхъ шкуръ, — брр!..

Четко и сухо щелкаютъ каблуки по окаменѣвшей, потрескавшейся землѣ. Болотный паръ дымитъ горизонтъ; тяжко, нудно и тихо... Хоть бы птица запѣла — да нѣтъ, сейчасъ все спитъ тяжелымъ сномъ лихорадочнаго больного; лишь огромныя навозныя мухи быстро ползутъ по рыжей и голой землѣ и недвижная черепаха все утро рѣшаетъ переползти дорогу... Сѣровъ опрокинулъ ее палкою на спину; мы ее нашли въ томъже положеніи черезъ три часа, возвращаясь.

Предательская прохлада мраморныхъ сѣней музея показалась намъ райскою. Но въ залахъ, гдѣ вдѣланы части фронтона Зевсова храма, окна распахнуты; не такъ жарко; свѣтло, сухо.

Оглядѣвшись, мы рѣшили не утомляться, не рисовать — а купить большіе снимки; въ музеѣ-же только «изучать». Черезъ часъ у меня сталъ ныть затылокъ — фронтонъ помѣщенъ высоко — голова все время закинута.

Сумасшедшая идея пришла мнѣ въ голову:

— «Валентинъ, мы одни; сторожъ вяжетъ чулокъ; онъ знаетъ, что мы художники — ему не до насъ. Влѣземъ на площадку фронтона — мнѣ страшно хочется пройтись рукою по мраморамъ — какія плечи у Ніобы какія груди... всѣ это дѣлаютъ — Родэнъ на «натурѣ» такъ провѣряетъ себя»... оправдывался я.

Сѣровъ сперва озадачился и пристально посмотрѣлъ на меня; потомъ подумалъ, оглянулся вокругъ, посмотрѣлъ на табуреты и... согласился!

Мы тотчасъ выработали планъ и точно два веселыхъ гимназиста принялись за немедленное выполненіе; придвинули табуреты къ фронтону, укрѣпленному въ разстояніи двухъ метровъ отъ пола; Сѣровъ помогъ мнѣ первому взобраться на площадку, а самъ, по уговору, скрипя на цыпочкахъ, пошелъ ближе къ выходу слѣдить за сторожемъ.

Увы, намъ не повезло; шумъ ли нашихъ табуретовъ, царапавшихъ мраморную полировку пола, или ненатуральные шаги Сѣрова, или таинственный должностной инстинктъ греческаго «аргуса» — но я услышалъ условленный припадокъ кашля Сѣрова слишкомъ поздно... Запутавшись между гигантскими тѣлесами разметавшихся Ніобидъ, которыхъ руки и ноги показались мнѣ въ мигъ лѣсомъ препятствій, я не успѣлъ пробраться къ табурету внизу... спрыгнуть было и рискованно и уже поздно...

Дѣлать нечего, я рѣшилъ «выпить бульонъ», какъ выражаются французы...

Устроивъ спокойную, дѣловую физіономію я повернулся къ плачущей Ніобидѣ и медленно и за-

ботливо сталъ отирать ей лицо носовымъ платкомъ — пыли, дѣйствительно, было, хоть отбавляй...

Внизу — сторожъ кричалъ, на смѣси французскаго съ греческимъ, что онъ составитъ бумагу, «il fera un papier», что онъ позоветъ консерватора (откуда?) — грозныя, непонятныя и потомъ жалобныя слова, пока я слѣзалъ внизъ. Но когда я очутился противъ него, голосъ сталъ почти ласковымъ, и привычныя руки уже дергали спицы и закидывали шерстяныя петли... Что это значитъ? Сзади — Сѣровъ посмѣивался. Я догадался, какая вода утушила начатый пожаръ...

Еще цѣлый часъ мы пробыли въ музеѣ. Сторожъ, уже не покидавшій насъ, предложилъ пріобрѣсть, тутъже, изъ маленькой витрины — и недорого — одну или двѣ античныхъ лампочки, которыя онъ выбралъ изъ огромной кучи другихъ...

— «Онѣ еще не занумерованы» — пояснилъ онъ намъ успокоительно; дѣйствительно, сакраментальнаго билетика съ номеромъ на нихъ еще не было.

Но наша честность была оскорблена — мы отказались. Искуситель умѣрилъ приливъ своей симпатіи къ намъ...

Въ полдень мы вернулись домой. По дорогѣ Сѣровъ приставалъ. Точилъ за шалую выдумку, которая обошлась намъ въ десять франковъ; стращалъ, что обѣда «настоящаго» не будетъ; дадутъ греческую бурду съ чеснокомъ, да пожалуй еще «фалернскаго» (которое я не любилъ)... Поваръ насъ ненавидитъ; повару скучно одному въ Олимпіи — конечно его прямая выгода выжить насъ поскорѣе... Что, — Бакстъ, взгрустнулъ?

Наоборотъ, я хохоталъ въ отвѣтъ, да и Сѣровъ повеселѣлъ, въ особенности умилившись при встрѣчѣ съ опрокинутой черепахой, которая покорно поджаривала свои нѣжныя части на сердитомъ солнцѣ. Вернувъ ей

прежній загадочный и приличный видъ, Сѣровъ разошелся, преобразился: Согбеннымъ архонтомъ, опираясь на оливковый «посохъ», онъ спѣшилъ въ нашъ «ксеноблохіонъ» (такъ онъ называлъ греческую «ксенодохіонъ*»), то и дѣло поправляя воображаемый хитонъ: — «Подумай, вѣдь штановъ-же не носили, да и жарко было старику»...

Завтракъ подали въ большой столовой. Сосѣдняя зала дремала въ полутьмѣ — тамъ все было занавѣшено.

Намъ очистили уголокъ у раскрытаго окна, поставили некрашенный столъ, накрытый слишкомъ маленькою салфеткою — скатерти не полагалось.

Двѣ тарелки, нѣсколько бутылокъ (фалернскаго не было!) нѣсколько банокъ съ соями и два маисовыхъ хлѣбца — посмотримъ! Мы сѣли за столъ все въ томъже добромъ настроеніи — голодъ насъ подбодрялъ.

Я оглядѣлся. Добрыхъ три четверти столовой было занято сдвинутыми въ кучу, такими-же некрашенными столами, какой былъ поставленъ для насъ. На этой массѣ столовъ выстроились въ три этажа поставленные другъ на друга вѣнскіе стулья.

Люстры или электрическія лампы были въ чехлахъ. Нѣсколько кресселъ, то тутъ, то тамъ — тоже. Все это покоилось подъ густѣйшимъ слоемъ пыли, которая легкими шариками граціозно перекатывалась на полу...

Ѣдкій пыльный духъ боролся со свѣжестью нагрѣтой зелени и смолъ тянувшихся изъ сада. Солнце жестоко жгло на кучѣ непочатыхъ банокъ съ корнишонами, соями и прочими англійскими приправами — «limited».

— «А что, спросилъ Сѣровъ, жуя хлѣбецъ и недовѣрчиво косясь на изукрашенные орденами и медалями пикули, — «не поставятъ намъ этого на счетъ?»

— «Да, если мы откроемъ банку; это у нихъ, вѣроятно, осталось съ „сезона“ — вино тоже.»

* Гостиница.

Вина никто не пилъ — слишкомъ было жарко; мы предпочли «Andros» — воду, которую намъ хвалили въ Афинахъ; хлѣбъ былъ черствый, масло горькое, но «la brave et pieuse femme», улыбаясь также сладостно, какъ и патрасскій старичокъ, принесла тарелку съ шестью смуглыми, круто-сваренными яйцами.

Мы сдѣлали имъ честь, но больше, чѣмъ по два яйца не могли съѣсть — очень ужъ велики были, вѣрно индюшечьи...

Антрактъ. Жарко ждать и главное, изъ за жары — молча. Мы уставились другъ на друга, безъ словъ; пальцы машинально разстегивали вестонъ, жилетъ; пуговицу за пуговицей; даже рубаху — мокрую и горячую...

Въ раскрытое настежъ окно шелъ жаркими струями густой запахъ евкалипта, сладкаго тмина, лавра.

Плавными кругами, точно конькобѣжцы, влетали, вылетали и кружили вокругъ шмели и стрекозы, то исчезая въ полумракѣ пустой столовой, то загораясь подъ пыльными иглами жестокаго солнца. Душно... не пойти-ли въ темный номеръ вытянуться на прохладномъ клеенчатомъ диванѣ — вздремнуть?..

Ѣдкій запахъ оливковаго масла, баранины, чесноку.. бабушка несетъ шедевръ патрасскаго повара! Дымящееся блюдо такъ напитано всякими пряностями, до гвоздики включительно, что право надо родиться англичаниномъ, чтобы искуситься баночкой съ никулями или соей... Лукулловъ обѣдъ! Несутъ огромные фіолетовые персики, миндаль съ изюмомъ; козій сыръ, солоноватый и водянистый — лучше всякой воды и вина, освѣжилъ просохшее горло.

Чтобы итти на веранду, пить кофе — надо обратно застегиваться, иначе не собрать нашихъ костюмовъ... Подъ европейскимъ зонтомъ-столомъ бабушка приготовила двѣ мѣдныя чашечки для кофе.

Сѣровъ спохватился — забылъ портсигаръ въ сто-

ловой. Черезъ минуту вернулся съ нимъ и сѣлъ противъ меня, хитро улыбаясь.

— «Что такое?»

— «Да вотъ, сразу не нашелъ портсигара; подумалъ, что сунулъ его въ ящикъ стола, а онъ былъ на стулѣ, подъ альбомомъ... За то цѣлое открытіе: бабушка припрятала въ ящикѣ два яичка; такъ они, смугленькія, лежатъ тамъ рядышкомъ... да и платокъ мой носовой кстати... эгеге... что сіе значитъ?»

— «Господи, ну чтобы не нести ихъ обратно повару: потомъ съѣстъ, старушка Божія, за наше здоровье; а платокъ — не знаю...»

Сѣровъ попыхтѣлъ сигарою.

— Благочестивая старушка... «une bonne et pieuse femme» — жулики греческіе!..

III

ПАЦА-ПАЦА

I

Послѣ ужина на верхней верандѣ, мы лежимъ цѣлый часъ въ соломенныхъ креслахъ, подъ открытымъ небомъ.

Вокругъ — темная, жаркая ночь. Воздухъ густой, душистый; тяжелыя, теплыя волны его, при легкомъ вѣтрѣ, пріятно щекочутъ лицо. Но все-же душно и тянетъ въ сторону горизонта, гдѣ таинственно колеблется гигантское мокрое чудище — темное море.

Глубокій куполъ иссине-чернаго неба съ миріадами разноцвѣтныхъ звѣздъ, дрожащихъ, мигающихъ, похожъ на далекую торжественную иллюминацію и еще проще и скромнѣе кажется тусклая земля, когда устаешь искать на небѣ.

Мы спускаемся съ жаркой веранды внизъ — бродить. Медленно передвигаемся по кроткимъ и безмолвнымъ переулочкамъ — точно по ковру; земля — мягкая, уступчивая подъ ногою; еще не успѣла остыть послѣ полуденнаго пекла. Говорю Сѣрову, что хотѣлъ бы скинуть парусиновые башмаки, да и носки — походить босикомъ по рыхлой и теплой землѣ...

— «Я самъ подумалъ», смѣется онъ — «да куда, завтра будемъ лежать съ ангинами».

Молчу.

Куда идемъ? Конечно, на базаръ. Тамъ — кофейни; тамъ — подъ полутемными аркадами вкусно пах-

нетъ коринкою, сушеными травами, кореньями, оливковымъ масломъ.

Мы идемъ на чуть уловимый, мелодичный шумъ.

Ближе — это разноголосный плачъ арабской пѣсни, сопровождаемой тамбуромъ; поютъ одновременно передъ нѣсколькими буйбуями (арабскими кофейнями).

Монотонный напѣвъ, съ повтореніями замысловатой, гнусавой модуляціи — видимо сильно по душѣ Сѣрову; онъ глубоко и довольно вздыхаетъ, укоризненно покачиваетъ головой. Я ступаю съ наслажденіемъ по теплому мягкому песку — точно по тѣлесамъ — и предлагаю Сѣрову сознаться, что идеальное земное существованіе именно здѣсь, въ объятіяхъ критской ночи, густой, пряной, подъ хитрые завитки арабской пѣсни... «Ну что можно придумать лучше мирнаго сидѣнья на цыновкѣ въ буй-буѣ?»... «передъ тобой чашечка кофе — какъ сиропъ... огненные глоточки, ароматные; а на эстрадѣ... Паца-паца — смуглая, худенькая... А чубукъ? — вѣдь прямо-же Магометовъ рай!..»

«Чубукъ — хорошо, словъ нѣтъ; а все-же сигара — лучше», доброжелательно поправляетъ не столь экспансивный Сѣровъ и, вспомнивъ, достаетъ изъ боковаго кармана два солидныхъ trabucos въ фольгѣ.

Но вотъ—базарная улица. Мы осторожно лавируемъ, въ темнотѣ, вдоль ряда закрытыхъ ароматныхъ лавокъ, между бѣлѣющими силуэтами арабовъ, неподвижно сидящихъ на цыновкахъ плеядами; изрѣдка, то тутъ, то тамъ, точно ночной жукъ, блеститъ искра кальяна... Посреди нестройнаго хора вкрадчивыхъ, гнусавыхъ модуляцій — немолчно тенькаетъ стеклянный колокольчикъ торговцовъ холодною водою; пить отъ этого теньканья хочется — кислой, ледяной воды или густого, обжигающаго кофе...

Приподнявъ почернѣвшій кожаный занавѣсъ, входимъ въ большую, слабо освѣщенную кофейню — «нашу» кофейню.

Внутри, какъ и снаружи, на цыновкахъ — группы бѣлыхъ, свѣжихъ бурнусовъ и тюрбановъ. Критяне — въ круглыхъ шапочкахъ на энергичныхъ, маленькихъ — какъ у змѣй — головкахъ, выдѣляются своею военною осанкою среди бородатыхъ и расчесанныхъ турокъ и смуглыхъ арабовъ, которыхъ больше всего.

Арабовъ узнаешь по задумчивой, почти религіозной мечтательности взгляда, по мѣрнымъ, величественнымъ движеніямъ, которыми они оправляютъ бурнусъ, вытряхаютъ пепелъ изъ чубука или торжественно и медлительно зовутъ прислугу, хлопая широкими, красивыми руками въ ладоши.

Мы примащиваемся на цыновкѣ сбоку, чтобы не обращать на себя вниманія — Сѣровъ не любитъ этого...

Кромѣ того, ему сегодня хочется зарисовывать въ альбомъ; да потомъ, вздыхая, рѣшаетъ, что «неловко», — арабы и, главное, эти напомаженные турки терпѣть не могутъ фотографовъ и художниковъ — еще обидятся»...

Эстрада сразу насъ поглощаетъ. Танцуетъ подруга нашихъ вечернихъ сидѣній — Паца-Паца.

Мы прозвали ее этимъ страннымъ прозвищемъ вотъ почему: однажды — уже послѣ того, какъ наше недавнее знакомство перешло въ дружбу — это смуглое дитя, не объяснявшееся ни на какомъ европейскомъ языкѣ, попыталось разсказать намъ, по своему, (и главнымъ образомъ, краснорѣчивыми жестами), про своего дружка — какой онъ сердитый и какую сцену онъ ей закатилъ вчера... Разсказъ былъ иллюстрированъ крайне картинно и просто: сдѣлавъ презабавное, свирѣпое лицо, она себѣ-же энергично надавала тумаковъ и пощечинъ, все повторяя траги-комично: «Пáца-пáца... пáца-пáца...»

Паца-паца — аравитянка; тонкая — на рѣдкость гибкая; перегнуться назадъ, стоя, и коснуться пышными крепированными волосами цыновки — ей нипочемъ.

Кожа — темносмуглая, матовая, съ пробивающимся на щекахъ натуральнымъ розоватымъ тономъ.

«Немного приторно» говоритъ Сѣровъ, любуясь, «но смотрѣть очень пріятно... не безъ „нуга“, впрочемъ». У нея крупные, ослѣпительные зубы, четкіе — пречеткіе; иногда разсмѣется — прямо страшно.

— «Бакстъ, замѣтилъ руки?», спрашиваетъ Сѣровъ, передъ отходомъ на сонъ грядущій...

Правда — кисти рукъ замѣчательныя; узкія, — можетъ быть слишкомъ узкія, «обезьяньи», — а между тѣмъ великолѣпныя, съ длинными, хрупкими пальцами, темно-желтыми, крашенными, выпуклыми ногтями и тоже выпуклой, мягкой ладонью.

Вѣроятно я долго здороваюсь съ нею, потому что Сѣровъ ядовито замѣчаетъ:

— «Ну, будетъ воду накачивать»...

Паца-паца намъ обоимъ сильно нравится за свои свѣжіе, газельи, — къ краямъ чуть китайчатые — глаза; за молодость (ей всего пятнадцать лѣтъ) и даже за откровенность безъ стыда — наивный, довѣрчивый звѣрекъ, о завтрашнемъ днѣ и не помышляющій.

Наши бесѣды втроемъ — необычайныя.

Паца-паца внимательно слушаетъ русскую рѣчь, отрывисто киваетъ черными кудрями, если поняла смыслъ и сейчасъ-же выпаливаетъ стремительною митральезой арабской тарабарщины. Мы съ Сѣровымъ держимъ совѣтъ: что, молъ, это значитъ?

Если ей слишкомъ досадно, что мы не поняли ее — она дѣлаетъ страдальческія гримасы (отчего ея личико становится крохотно-трогательнымъ) и закусивъ раскрашенный ноготь между сверкающими зубами — съ усиліемъ высвобождаетъ его...

Мы понимаетъ эту мимику такъ:

«Какъ досадно, что никакими усиліями не пере-

дать вамъ мою мысль, которая тутъ близко, за зубами, на языкѣ»...

Къ деньгамъ Паца-паца днями вяло-равнодушна; иногда, вдругъ — тревожно-искательна.

Мы скоро узнали причину.

Въ одинъ изъ вечеровъ, жадно собирая всякую монету послѣ своего «номера», она упрямо выстаивала съ тарелкою передъ каждымъ завсегдатаемъ, покуда тотъ не раскошеливался; сдѣлавъ кругъ кофейной, она подсѣла къ намъ, своимъ друзьямъ... Насобирала Паца-паца сегодня порядочно и хотя она еще тяжело дышала послѣ длиннѣйшей пляски — видъ у нея былъ довольный.

Худыя сильныя руки высоко подбрасывали всю добычу и, ловко подставивъ опрокинутый тамбуръ — вся мѣдь и серебро съ сухимъ трескомъ сыпались туда...

Несмотря на формальный запретъ Сѣрова, я вѣчно ее дразнилъ и тутъ не удержался.

Послѣ третьяго тура я вдругъ снялъ шляпу и накрылъ ея дномъ тамбуръ на полу; но напрасно... съ быстротою и ловкостью — прямо обезьяньей — она, приподнявъ тамбуръ, далеко имъ-же отбросила шляпу и деньги, треща, послушно посыпались на сухую кожу... Вся кофейня, обыкновенно подчеркивающая свое равнодушіе къ незнакомцамъ, да еще «путешественникамъ»— разсмѣялась...

Все сидя, она приблизила мнѣ — близко, близко — свое торжествующе-насмѣшливое лицо, высунула острый, дѣтскій языкъ; но вдругъ, точно вспомнивъ, вскочила и звонко защелкала пальцами...

Черезъ мгновеніе на другомъ концѣ кафе изъ толпы сидящаго народа поднялся юноша, скорѣе мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, черный какъ уголь, въ фантастическихъ лохмотьяхъ, съ копною густѣйшихъ и блестящихъ волосъ — худой, жалкій, но, по своему, прекрасный.

Дикіе, черные, горящіе глаза, привычка ступать осторожно и озираясь; смуглые, худые локти и колѣни,

сквозящіе изъ дыръ — совсѣмъ типъ бѣглаго каторжника — еслибы не крайняя молодость.

Почтительно минуя насъ, онъ подошелъ къ ней, отворотилъ маленькою, грязною рукою карманъ своихъ панталонъ — Паца-паца высыпала туда всѣ свои монеты...

Молча, обмѣнялись они сверкающимъ взглядомъ — молніею юношеской любви и... только.

Молча, онъ ушелъ; также тихо, также осторожно озираясь, вернулся на свое незамѣтное мѣсто въ другомъ концѣ кофейни.

Сѣровъ его прозвалъ орленкомъ.

Наша щедрость, щедрость взапуски, сбивала Паца-паца съ толку. Ей хотѣлось быть благодарной, но наивные авансы Сѣрову кончались всегда тѣмъ, что онъ садился на полъ-аршина дальше обыкновеннаго.

Паца-паца ничего не могла понять. На смугломъ личикѣ съ китайчатыми глазами легко было прочесть обиду...

Тогда она принялась за меня. Я отшучивался, но, видимо, она рѣшила, что со мною — не безнадежно.

Сегодня она подсѣла слишкомъ близко и, безъ дальнихъ обиняковъ, лукаво щуря однимъ глазомъ и наклонивъ голову на бокъ, позвала меня «пить съ ней кофе — завтра въ три часа!» На пальцахъ показала: «Маленькій домикъ, противъ музея. Она будетъ сидѣть у окна, подперевшись — вотъ такъ»...

— «А послѣ кофе?»

Паца-паца разсмѣялась и совсѣмъ недвусмысленно показала жестами (очень граціозно, впрочемъ), что должно произойти дальше.

— «Фу, фу», протестовалъ Сѣровъ, — «перестань, Паца-паца, не годится... это ужъ некрасиво»...

Но она не унималась, хохотала... наивно продолжая свое картинное описаніе... Это — дѣйствительно, переходило границы всякаго приличія.

Сѣровъ растопырилъ короткіе пальцы и обернулъ ко мнѣ свое сконфуженное и сильно-красное лицо.

— «Знаешь, просто хоть караулъ кричи!.. Не понимаетъ, дѣвченка — на самомъ дѣлѣ... Уйми ее, Бакстъ... срамъ — на всю кофейню...»

— «Гдѣ-жъ ей манерамъ набраться — не княгиня»... «Перестань» крикнулъ я ей, сдѣлавъ сердитое лицо — «смотри, придетъ твой орленокъ» (и я попытался представить изъ себя ея друга) — «Онъ тебѣ такую „пáцапáца" пропишетъ — весь день будешь ревѣть»...

Но въ нее точно нечистый вселился... Она секунду застыла, точно соображая, и вдругъ — неожиданно вскочивъ, схватила Сѣрова за бороду...

Валентинъ, малиновый, обозленный, смѣшно отбивался и металъ мнѣ ужасные взгляды... Признаюсь, и я растерялся; мнѣ казалось, что все кафэ на насъ обернулось, потѣшается; однако, смущенно оглянувшись, я съ облегченіемъ замѣтилъ, что никто не смотритъ въ нашу сторону — арабы и турки нарочито чинно курили — все было также дремотно покойно, точно Паца-паца и не существовала...

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это недоразумѣніе между Сѣровымъ и Паца-паца, если-бы вдругъ кожаная дверь въ кофейню не приподнялась стремительно: и десять критскихъ солдатъ, ружья на перевѣсъ, не ворвались къ намъ, подъ предводительствомъ толстаго, маленькаго унтеръ-офицера, съ хлыстикомъ въ рукѣ...

Кофейня замерла.

Быстро расталкивая сидящую толпу, солдаты размѣстились по угламъ кофейни, все — ружья на перевѣсъ. Толстякъ поднялъ угрожающе хлыстъ и прокричалъ высокимъ теноромъ что-то по арабски. Толпа, не вставая съ полу, закопошилась и стала распоясываться.

«Ээ... Бакстъ, да это — обыскъ», процѣдилъ заинтригованный Сѣровъ и прищурилъ мнѣ глазъ — «вотъ тебѣ за твой револьверъ и попадетъ»...

Я забылъ его дома и, вмѣсто отвѣта, презрительно усмѣхнулся.

До насъ обыскъ однако не дошелъ. Двухъ молодцовъ обшарили, отобрали оружіе и бумаги и увели.

Толпа равнодушно подпоясалась и опять принялась за кофе и чубукъ. Дѣло — видимо привычное.

— «А гдѣ-же Паца-паца?», спохватился Сѣровъ — «улизнула?»... Но онъ ошибся; истинное дитя востока, она выскочила на улицу смотрѣть, какъ поведутъ арабовъ въ тюрьму и вскорѣ вернулась спокойная, съ видомъ рѣшительнымъ.

Не садясь, Паца-паца подошла къ нашей цыновкѣ, низко-низко нагнулась ко мнѣ — настолько, что я увидѣлъ контуръ маленькой смуглой груди. Она фамильярно положила мнѣ на плечи тонкія руки и теплыми, щекочущими губами быстро пошептала на ухо...

Я ничего не понялъ, конечно; отъ нея шелъ нѣжный запахъ персика и лавра; запахъ молодой, южной кожи, гораздо убѣдительнѣе арабскаго шопота... — однако, головы я не потерялъ.

Такъ, или иначе, нужно выйти изъ этого положенія, сообразилъ я, но — не путемъ Сѣрова — слишкомъ ужъ смѣшно... Возьму и — надую...

Я кивнулъ головою.

«Хорошо, Паца-паца, завтра въ три часа»... Я показалъ три пальца.

У Сѣрова довольный видъ; однако, ничего не сказалъ мнѣ, возвращаясь, объ происшедшемъ и даже, мнѣ показалось, избѣгалъ разговора на эту тему.

II

Въ Кноссосѣ мы жили «въ свое удовольствіе»: ложились поздно, вставали поздно; ѣли въ неурочный часъ самыя несуразныя вещи, исключительно мѣстныя. Не было такой каменно-тяжелой «пасты», или горькаго вина-чернила, которыхъ Сѣровъ не предлагалъ-бы испробовать...

Намъ хотѣлось всего возможно-античнаго — поближе къ Гомеру. За обѣдомъ я пилъ черное «фалернское», отзывавшееся скипидаромъ, морщился, но декламировалъ, точно нѣмецкій буршъ пятидесятыхъ годовъ:

«Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ,
Такъ Постумія велѣла
Предсѣдательница оргій».

(Пушкинъ.)

Сѣровъ жевалъ и молчалъ, но услышавъ дальше:

«Ты же — прочь рѣчная влага
И струей вину враждебной»...

засмѣялся:

— «Потому мы и пьемъ здѣсь „Виши" — они (Сѣровъ показалъ на меня вилкою) боятся очень микробовъ»...

Конечно, мы вѣчно подтрунивали другъ надъ другомъ — однако жили въ согласіи, усердно рисовали, искали современную манеру изображенія греческаго мифа...

По обыкновенію, сегодня мы пили кофе въ общей столовой примитивной «ксенодохіонъ» (гостиницы), посреди пастуховъ, солдатъ, собакъ; противъ огромнаго дымящагося камина, гдѣ неизмѣнно жарилась на вертелѣ какая-то птица, наполнявшая столовую-кухню чадомъ, вонью отъ чеснока и оливковаго масла — при тридцати пяти градусной жарѣ въ тѣни!..

Морской вѣтеръ дулъ безъ устали, стучалъ раскрытыми настежъ дверьми и окнами, хлопалъ ставнями, забрасывалъ скатерти у столовъ, качалъ почернѣвшую птицу, посылавшую намъ новые залпы двойнаго аромата...

Ничего! Намъ все казалось мило и такъ похоже на то, что *тутъ-же,* вѣрно, творилось три тысячи лѣтъ тому назадъ!..

Восьмидесятилѣтній пастухъ въ овечьемъ жилетѣ и короткихъ кожаныхъ штанахъ, съ коричневымъ, обожженнымъ на здѣшнихъ утесахъ, лицомъ, помѣстился на лавочкѣ неподалеку отъ насъ. На колѣняхъ у него лежали куски нарѣзаннаго, обугленнаго мяса; онъ медленно жевалъ беззубыми деснами; выцвѣтшіе глаза подъ густѣйшими сѣдыми бровями смотрѣли впередъ тупо и задумчиво... Прямо противъ него — большой, грязный овчаръ уже часъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, наклоняя то на право, то на лѣво, умную голову и страстно всматривался хозяину въ ротъ, судорожно глотая слюну и почтительно повизгивая...

— «Валентинъ, Валентинъ», загорѣлся я, «да смотри-же: — старая Грецiя, Гомеръ»!.. — я чуть не прослезился отъ умиленія — «побѣжать развѣ наверхъ за альбомомъ?»...

Сѣровъ ничего не отвѣтилъ — онъ пилъ кофе, уткнувъ носъ въ чашку, изрѣдка вскидывая на меня испытующіе и, къ моему раздраженію, насмѣшливые глаза.

Онъ допилъ кофе, разсѣянно посмотрѣлъ на собаку, потомъ на стараго пастуха, и съ удовольствіемъ

доставъ утреннюю сигару, снова уставилъ на меня инквизиторскій глазъ.

— «Вотъ что, началъ онъ, на сегодня *моя* программа установлена; первое — иду въ австрійскій Ллойдъ запасаться билетами; потомъ — иду писать на взморье своего мула; третье — въ три часа въ музеѣ — рисовать раскопки Эванса... Ну, а ты?»

— «А я?.. я сейчасъ буду писать обстоятельное письмо женѣ, пока утренній пароходъ не ушелъ; потомъ... тоже буду писать этюдъ — изъ окна — ну, а въ три часа, (тутъ Сѣровъ насторожился) отчеканилъ я, подражая интонаціи Сѣрова, *тоже* пойду срисовывать раскопки Эванса въ музеѣ»...

Сѣровъ поперхнулся дымомъ.

— «То есть, какъ-же? спросилъ онъ, кашляя и вопросительно вглядываясь то въ меня, то въ сигару — «въ три часа — позволь однако, въ три часа ты обѣщалъ „ей“ пить кофей»

Но я поспѣшилъ перебить, раздраженный его менторскимъ тономъ и въ тоже время страдая отъ фальшиваго положенія, въ которомъ очутился:

— «Спасибо; я уже напился кофею на цѣлый день — больше не хочу... А въ музеѣ рисовать надо — у меня рисунковъ меньше твоего — завтра, передъ отъѣздомъ, впопыхахъ, ни черта не успѣю сдѣлать»...

Я проговорилъ все это однимъ духомъ, съ натугою — спазмъ жалъ мнѣ гортань, какъ клещами.

Сѣровъ вдругъ заартачился, раскраснѣлся, обидѣлся:

— «Н-нѣтъ, Бакстъ, этого ужъ нельзя... это ужъ совсѣмъ негодится — какъ-же ты?.. Ты подумай, вѣдь „она“ будетъ ждать, понимаешь, къ тремъ часамъ, по стрѣлкѣ, — будетъ ждать... нѣтъ, нехорошо, негодится! Разъ обѣщалъ — ну и держи слово...»

— «Полно, Валентинъ», продолжалъ я кричать, избѣгая его взгляда, въ одно и тоже время уничтоженный

и торжествующій, — «говоришь тоже вещи, а со стороны покажется, что и не подумалъ, *на чемъ* настаиваешь!»...

Я сердился и страдалъ; мнѣ хотѣлось крикнуть, что конецъ авантюры не въ моихъ теперешнихъ вкусахъ, что я вѣренъ своей женѣ (какъ стыдно было въ этомъ сознаться!), что она готовится быть матерью (да вѣдь онъ знаетъ-же, чортъ эдакій) — какъ же онъ это упустилъ? Какъ я хотѣлъ ему выпалить это громко — увидѣть его честное лицо переконфуженнымъ!.. Но стыдъ, нелѣпый, проклятый стыдъ мѣшалъ; и все вокругъ мѣшало — слѣпящій свѣтъ въ столовой, дѣловые, трезвые лица — даже ранній утренній часъ — все не вязалось съ такой интимной откровенностью... Пришлось прикрыть свое отступленіе бравадою человѣка, мало связаннаго полуобѣщаніями, полушутками съ арабской танцовщицой — «дѣвчонкою, заинтересованной нашею щедростью» — подбодрилъ я себя, чтобы окончательно выйти правымъ изъ нелѣпаго положенія...

Кончилось однако тѣмъ, что мы поссорились...

Поссорились... я больше всего не люблю такія ссоры, холодныя, — «европейскія». Каждый притворяется спокойнымъ, равнодушнымъ. Возмутительная вѣжливость заступаетъ мѣсто недавнихъ ругательствъ; когда ругаешься, по крайней мѣрѣ, — искрененъ; но съ этою «европейкою» — врешь на каждомъ шагу... Зачѣмъ, напримѣръ, Валентинъ мнѣ передаетъ спички съ такою поспѣшностью, съ такою готовностью, точно если онъ ихъ не передастъ скоро — со мной случится припадокъ?! Отчего мы говоримъ о всѣхъ пустякахъ и такъ охотно, а молчимъ, какъ рыбы, *о главномъ,* что медленно и тоскливо ѣстъ печень? Нѣтъ, лучше хорошенько выругаться, наговорить вздору, какому и самъ не вѣришь... и, устыдившись — помириться... и поскорѣе!

III

Чтобы попасть въ музей, надо пройти черезъ базаръ; въ этотъ разслабляюще-жаркій часъ — тамъ тишина и безмолвіе; само зданіе, все завѣшенное отъ жгучаго солнца сѣро-желтымъ тряпьемъ кажется издали фантастическимъ, гигантскимъ верблюдомъ, спящимъ подъ цвѣтными лохмотьями...

Налѣво отъ базара, вплоть до сине-лиловаго, сверкающаго бриллiантами моря, просторная площадь со столиками продавцовъ всякой мѣстной стряпни и сластей. Тутъ — пасты, рахатъ-лукумъ, пахучія галушки на меду, засахаренные и пыльные грецкіе орѣхи; вокругъ — досчатые кафе и лавочки, точно дешевые балаганчики на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ и, чтобы дополнить это сходство — ярко-расписанная, запыленная карусель, спящая какъ и все сейчасъ, противъ крохотнаго театра маріонетокъ съ таинственно опущеннымъ занавѣсомъ, посреди ароматныхъ кулей съ сухими фигами и коринкою.

Морской вѣтерокъ, благодатный, гонитъ по раскаленному песку струйки тонкой пыли и играетъ среди тяжкой, сонной тишины узенькими, послушными лентами-флагами.

Иду медленно, невольно вдыхая попеременно, то освѣжающую волну вѣтра, то жгучую и ѣдкую островную пыль. Вотъ полицейскій домъ. Изъ темнаго подвала, за толстою, черною рѣшеткою глядятъ мнѣ въ сапоги и потомъ въ лицо нѣсколько паръ глазъ — одни усталые, другіе свирѣпые — глаза засаженныхъ въ

подземелье преступниковъ. Вотъ — не спятъ въ этотъ сакраментальный часъ...

По дорогѣ въ музей — ни души, безконечно тихо. Мнѣ — не по себѣ, послѣ утренней сцены; чувство невинно пострадавшаго, похожее на то отчаяніе, которое было мнѣ знакомо въ дѣтствѣ, послѣ порки — по недоразумѣнію — и гдѣ только я одинъ зналъ навѣрно, что не виноватъ...

Какъ и тогда, чувство одиночества и заброшенности грызетъ подъ ложечкою; я — не на Критѣ, а на необитаемомъ островѣ. Куда загнало меня? Какой то Кноссосъ... и вчера родной мнѣ — царь Миносъ съ странною прическою индѣйца - Делавара — сегодня отскочилъ отъ меня на восемь тысячъ лѣтъ...

Чую отдаленные приступы привычнаго мнѣ volte-face (я себя отлично изучилъ); чувствую внутренній приказъ, заставлявшій меня мгновенно, послѣ самыхъ рѣзкихъ, жестокихъ сценъ, когда любимая женщина, изведенная въ конецъ, кривитъ отъ бѣшенства дорогія мнѣ за полчаса предъ тѣмъ черты — вдругъ, безъ всякаго перехода, безъ «мостика» — огоронить ее самыми трогательными влюбленными поцѣлуями...

О, нестерпимое одиночество! Образъ Валентина, уютнаго «слона», медлительнаго, правдиваго, плыветъ по размякшему сердцу, слеза капаетъ на усъ, на альбомъ, на пыльную дорогу... глупая, глупая ссора...

До маленькой музейной площади ужс близко; надо только миновать низкія каменныя стѣны, изъ за которыхъ безпомощно свѣшиваются на дорогу, до самыхъ ногъ, пыльные, сѣрые платаны, до жалости обглоданные проходящими стадами козъ и овецъ.

Жара такая, что я стараюсь медленно передвигать ноги, дабы еще больше не размякнуть въ безпрестанно сыромъ и подсыхающемъ бѣльѣ. Широкія сѣни музея волшебно свѣжи, успокоительны, но сердце замираетъ: вижу въ прихожей палку и уютную шляпу Валентина.

Сторожъ скрипитъ сзади меня новыми подошвами и фамильярно сообщаетъ, что: «вашъ товарищъ усерднѣе васъ — уже часъ какъ работаетъ — я два раза воду мѣнялъ въ стаканѣ».

Молча и дружелюбно киваю Сѣрову головой — ему не до меня, хотя онъ отвѣтилъ просто и серьезно — онъ весь ушелъ въ торопливый рисунокъ: щуритъ глазъ, клонитъ голову на сторону; потный, красный, съ блестящимъ, точно лакированнымъ носомъ.

Мы не обмѣнялись ни словомъ, рисуя то въ одной, то въ разныхъ залахъ, гдѣ душно, душно до дурноты, несмотря на открытыя окна.

Чувство покоя и увѣренности пріятно разливается по всему тѣлу: я уже не одинъ, не на необитаемомъ островѣ Средиземнаго моря, а подъ одинмъ потолкомъ — съ «русскимъ», съ Сѣровымъ...

Жарко... изъ одной низкой залы въ другую партіями перелетаютъ зеленоватыя мухи — стремительно, рѣшительно, точно заговорщики, точно — за дѣломъ; сохнутъ и трещатъ деревянныя витрины и табуреты — иногда такъ сильно, точно лопаются: — наступающая тишина еще жарче, еще труднѣе...

Сѣровъ въ сосѣдней залѣ вздыхаетъ, переворачиваетъ и шелеститъ страничкою альбома — еще одинъ рисунокъ готовъ!..

Пересчитываю свои зарисованные листы — какъ мало! Меня раздражаетъ сторожъ, который мѣшаетъ мнѣ «слушать» Сѣрова: гдѣ-то въ третьей или четвертой залѣ вотъ уже часъ, какъ онъ тянетъ въ носъ, по гречески, какіе-то минорные «Кантики», кусочки литургіи, прерывая себя возмутительно-неистовымъ харканьемъ, какъ разъ въ моментъ, когда острый карандашъ попалъ въ самую точку и съ которой нервно срываетъ его рука!.. Ханжа греческая!..

Мы все кружимъ другъ за другомъ по музею, но у одной витрины, гдѣ масса амулетовъ-домиковъ — сталкиваемся...

Сѣровъ подымаетъ на меня свои сѣро-каріе глаза, (о какіе дружескіе)... и вздыхаетъ:

— «Жарко, Бакстъ».

Я улыбаюсь и съ этой минуты мы подвигаемся уже вмѣстѣ, безпрестанно вытаскивая платки, вытирая лицо, руки, скользкій карандашъ или кисть.

Витрина, стоящая передъ окномъ теперь — на очереди. Опять — вниманіе, упрямый задоръ схватить въ одну минуту главное, существенное... но вдругъ, чувствую, среди своего увлеченія, горячее прикосновеніе на плечѣ маленькой Сѣровской руки...

Я подымаю глаза — Сѣровъ смотритъ передъ собою въ открытое окно. Его профиль забавно сочетаетъ въ эту минуту выраженіе крайняго любопытства и неожиданности...

Черезъ крохотную, пыльную подъ солнцемъ, площадь, вижу — какъ разъ противъ насъ — три окна облупленнаго, розоваго домика. У крайняго окна — игра судьбы — сидитъ Паца-паца и длинными, худыми руками дѣлаетъ внизъ странные знаки...

Подъ окнами противъ маленькой входной двери тучная, широкая спина степеннаго араба въ желтыхъ туфляхъ.

Онъ закинулъ назадъ свою короткую шею и недвижимъ — очевидно рѣшая: «Войти — не войти?»

Сцена — потрясающая. Я застылъ, окаменѣлъ, съ поднятымъ карандашомъ въ рукѣ, смутно чувствуя горячую тяжесть Сѣровской руки да напряженное, чесночное дыханье сторожа, тоже заинтригованнаго.

Но вотъ — арабъ рѣшился, приподнялъ кожаную дверь, протиснулъ большой животъ и исчезъ въ маленькомъ, розовомъ домикѣ.

Окошко захлопнулось.

Сзади насъ сторожъ ворчитъ на своемъ діалектѣ что-то негодующее, тѣмъ набожнымъ тономъ, какой присущъ грекамъ, когда поцарапаны ихъ чувства добродѣтели.

Мы долго не можемъ поднять другъ на друга пристыженные, отяжелѣвшіе глаза...

IV

ДЕЛЬФЫ

Въ концѣ апрѣля, вѣтренымъ розовымъ вечеромъ, маленькій коринфскій пароходъ причалилъ къ подножію Дельфъ.

Передъ нами отвѣсно, незамѣтнымъ моему близорукому глазу склономъ — эпическія громады горныхъ хребтовъ; узкая дорога, сѣрѣя, желтѣя, тянется вверхъ, разграфленная зигзагами вплоть до черно-синихъ торжественныхъ верховъ...

Тамъ — Дельфы.

Просторная старинная коляска, четырехъ-мѣстная, запряжена темными, точно налакированными мулами — они беззвучно ждутъ насъ въ пыльной дымкѣ, у подножія дороги. Какъ красиво повязаны за черными, торчкомъ стоящими ушами животныхъ, зеленая ярь лентъ, крупныя, дутаго серебра, погремушки! Съ козелъ просительно улыбается древній, цвѣта пергамента, кучеръ, расчесанный, долгоносый, чернобровый, въ синемъ платаномъ казакинѣ...

Все въ закладкѣ, кромѣ упругихъ, молоденькихъ муловъ съ подстриженными гривками — ветхо, не по нынѣшнему. Пышныя кожаныя сидѣнія, истертыя, перетянутыя старыми рыжими ремнями; затѣйливая, двухъэтажная откидная ножка; монументальные рессоры, тяжелая дверца, солидно и аппетитно защелкивающаяся подъ крупною серебряною ручкою... Старый, почтенный экипажъ, покойный и слишкомъ торжественный, призываетъ къ медлительному, вдумчивому путешествію, переноситъ въ пятидесятые годы... Не хватаетъ

зеленаго почтальона верхомъ, съ веселымъ мѣднымъ рогомъ черезъ плечо, да элегантной героини Жоржъ-Зандъ, подъ соломеннымъ канороомъ съ тоже зеленою вуалью, хлыстомъ въ узенькой рукѣ, затянутой въ лимонную перчатку; даже чемоданы наши подвязали у кузова, по старинному...

— «Я пойду пѣшкомъ, а ты поѣзжай,» заявилъ Сѣровъ, мѣря глазомъ разстояніе зигзаговъ. Но, подумавъ, спросилъ кучера на французскомъ «petit-negre» — «сколько ходьбы до Дельфъ?»

— «Ходьбы? удивился на томъ-же нарѣчіи долгоносый старикъ, оглянувъ чернымъ запавшимъ глазкомъ ноги Сѣрова, — далеко до Дельфъ... Въ экипажѣ я васъ довезу въ два часа, можетъ и меньше, а пѣшкомъ — онъ снова посмотрѣлъ на новенькія голенища моего друга — пѣшкомъ не дойдете и въ четыре часа — устанете вверхъ итти...

Сѣровъ однако усумнился: вѣдь рукой подать до верху и попросилъ у меня Бедекеръ.

Но Бедекеръ не шутилъ—это глазъ такъ обманываетъ.

— «Правъ старикъ — ничего не подѣлаешь; поѣдемъ, Бакстъ — твое счастье; а то бы и тебя потащилъ пѣшкомъ...

Я терпѣть не могу лѣзть въ гору.

Странно тихо послѣ недавняго мѣрнаго выстукиванья пароходной машины, послѣ страстнаго галдежа бабъ, пастуховъ, солдатъ, продушившихъ чеснокомъ все наше путешествіе отъ Коринфа... Гдѣ-то тонко и музыкально чирикаетъ одинокая птичка, пахнетъ медовою сыростью, полевыми цвѣтами; голоса наши звонки и отчетливы въ росистой травѣ; небывалый резонансъ, несущійся къ горамъ, заставляетъ прислушиваться къ собственному говору — иногда передъ насморкомъ такъ слушаешь себя.

Сѣлъ въ коляску и забылъ на минуту Дельфы, Сѣрова, вдругъ охваченный воспоминаніемъ дѣтства, похожимъ положеніемъ — такимъ-же весеннимъ тихимъ вечеромъ, такою-же близостью къ экипажу высокой сырой травы.

Вижу себя восьмилѣтнимъ, безстрашнымъ гимназистомъ, въ свѣже-выглаженной, слишкомъ прохладной, парусинной блузкѣ, такимъ-же весеннимъ сырымъ вечеромъ — но въ Павловскѣ. Ноги — какія легкія — на подножкѣ, чтобы быть поближе къ дорогѣ, наслаждаться тѣмъ, что я *ѣду въ коляскѣ,* а другіе только идутъ пѣшкомъ; въ смутномъ, однако, страхѣ, что рваный павловскій извощикъ повернетъ ко мнѣ свое козлиное пыльное лицо, заслышавъ шуршаніе колесъ о кожанныя лопасти покренившагося экипажа — еще заставитъ меня сѣсть паинькой на сидѣнье...

Такая-же птичка пѣла въ пустомъ еще, звонкомъ, еле зазеленѣвшемъ Павловскѣ... Долго, долго тянула она серебряно-чистую ноту, обрывая ее каденціею, наводившею на меня сладкую грусть; воздухъ, легкій, незнакомо-чистый, пьянилъ и волновалъ послѣ долгаго зимняго сидѣнія въ Петербургѣ, въ гимназіи, съ ея густымъ мужскимъ запахомъ насиженныхъ старшихъ классовъ. Помню даже жуть городского мальчика, жуть слишкомъ интимной близости къ землѣ, — къ запаху земли, смутно вязавшемуся съ мыслью о похоронахъ, могилѣ... А главное — кроткая весенняя тишина, еще пустѣе отъ одинокаго пѣнья-чириканья: сколько въ ней обѣщанія заманчивой, невѣдомой жизни. Вѣщее, любопытное, дѣтское сердце!

Коляска тронулась, неторопливо переваливаясь и покачиваясь, въ прозрачныхъ, покраснѣвшихъ сумеркахъ.

По узкой дорогѣ, гдѣ еле могли разъѣхаться два экипажа, мягко гудѣли въ улегшейся пыли огромныя

колеса, шелестя по травѣ и обдавая насъ росинками; головки крупныхъ маргаритокъ и анемоновъ все время щемились между колесами и кузовомъ.

Пахло кожаными сидѣньями, молодою клейкою зеленью; пріятно сотрясалось тѣло надъ старинною рессорою.

Высоко, высоко надъ нами острый глазъ Сѣрова запримѣтилъ полный поселянами возъ, который только черезъ часъ, осторожно и послушно спускаясь зигзагами, наконецъ повстрѣчался намъ.

Мы чуть не закричали отъ восторга.

Первый разъ, съ нашего блужданія по Греціи, наконецъ повстрѣчались мы, столкнулись глазъ на глазъ не съ албанцами, турецкими выходцами или ихъ помѣсью — отвратнымъ позднимъ засильемъ, но съ истиннымъ, классическимъ греческимъ типомъ, давно желаннымъ.

Какія головы стариковъ, какой разрѣзъ глазъ; какіе крѣпко кованные овалы гречанокъ — совсѣмъ Геры, Гебы. Спокойное и ясное выраженіе, присущее горнымъ жителямъ здѣсь волнительно подчеркивалось знакомымъ съ дѣтскихъ учебниковъ типомъ, который, недовѣряя и брюзжа, мы условно согласились считать еще съ Академіи, съ глиптотеки — *греческимъ*.

Вотъ онъ, желанный типъ, чистый, безъ фальши и сладости, во всей нетронутости горныхъ семей, тысячами лѣтъ не смѣшивавшихъ своей чистой крови съ безпокойнымъ и бродячимъ стадомъ долинъ — Ѳракійцевъ.

Пока крайне медленно и осторожно разъѣзжались наши возницы мы не спускали настойчивыхъ глазъ со встрѣчныхъ; на возу, вродѣ большой кавказской арбы, влекомой длиннорогими бѣлыми быками, сидѣла большая семья; пять, шесть дѣвушекъ, двое подростковъ; два старика, дружно стягивавшихъ возжи...

Дѣвушки, крупныя, черноглазыя, чуть смуглыя съ маленькими круглыми головками въ черныхъ туго

повязанныхъ на манеръ чалмы, платочкахъ, сидѣли свѣсивъ ядреныя, позолоченныя солнцемъ ноги, голыя до полныхъ колѣнъ, — такого рѣдкаго совершенства, что даже слеза восторга ущипнула у носа...

— «Валентинъ, а вѣдь на колѣняхъ надо любоваться такими ногами — чтó Лизиппъ рядомъ съ такою земною, живою красотою?..

Сѣровъ усмѣхался.

— «И ноги хороши и глаза хороши... Посмотри — первая: не то антилопа, не то архаическая «дѣва» изъ Акропольскаго музея; жалко — сейчасъ дѣвицы скроются — никогда больше не увидимъ такихъ — прощайте, статуи, на вѣки!..

Мы разъѣхались; я даже не успѣлъ, занятый античными ногами, разсмотрѣть «маленькія бронзы», какъ послѣ называлъ Сѣровъ тоненькихъ братьевъ дельфійскихъ дѣвъ.

Мы пришли въ бодрое настроеніе духа: вотъ, наконецъ, добрались до настоящаго лица Греціи... Черезъ все наше путешествіе все время насъ коробили, среди всей уцѣлѣвшей антики, посреди храмовъ, руинъ и музеевъ — какіе-то тривіальные албанцы, полутурки, сирійцы, чуть не «братушки» — все это фрикассе изъ подозрительныхъ «восточныхъ», выдающее себя за потомковъ Фидія, Сократа и Эсхила... Вздоръ — что эти господа, разгуливающіе въ юбкахъ, съ зеркальцами въ рукахъ, начищающіе себѣ съ утра до вечера удивительные башмаки съ дѣтскими помпонами на носкахъ — греки!

Современныя Афины предстали нашимъ раздраженнымъ очамъ провинціальнымъ, претенціознымъ городкомъ, комично обезьянящимъ Парижъ; центромъ греческихъ растакуэровъ и шулеровъ, любителей шансонетки, помѣшанныхъ на бульварномъ шикѣ Парижа.

Разодѣтые въ нѣжно-голубые цвѣта греческіе офи-

церы слишкомъ рѣзали глазъ — въ ихъ забавной марціальной выправкѣ на прусскій манеръ — несходствомъ съ гигантскими тѣнями Эпаминонда и Александра; опереточный дворъ, время отъ времени вспоминающій — и неловко — о традиціи, о славномъ прошломъ, въ перемежку съ ненасытнымъ любопытствомъ (о, сколь искреннимъ!) къ проѣзжей шикарной парижской знаменитости — все одно: тенору или кокоткѣ... развѣ это потомки Солона и Ликурга? Увы, наслѣдіе генія — непосильная обуза посредственности...

* * *

Двухъ-этажная гостиница, прислоненная къ нагимъ утесамъ, узкая, вся въ фасадѣ, пріютила насъ въ темнотѣ наступающей ночи.

Дикій романтизмъ пейзажа, раскрытое освѣщенное окно, во второмъ этажѣ, гулъ угрозъ въ облакахъ; одинокая свѣча, которую настойчиво задувалъ вѣтеръ, несмотря на обороняющую руку нашего кучера, превратившагося при рембрандтовскомъ освѣщеніи въ горнаго бандита — все вмѣстѣ почему-то напомнило мнѣ послѣдній актъ «Риголетто — «Trattoria di Sparafucile, il bandito».

Сѣровъ ворчитъ: — «вотъ, порти первое впечатлѣніе... нашелъ сравненіе: «Риголетто!»... Ты обернись лучше назадъ!»

Я повернулся спиною къ гостиницѣ и ахнулъ даже: пропасть, гигантская, бездонная ночью — совсѣмъ у моихъ ногъ... гдѣ-то глубоко внизу, въ долинѣ, подъ ослѣпительно лилово-голубыми молніями, лежатъ бѣлые мраморные храмы — сказочные домики, разсыпавшіеся подъ чудовищными руками Циклоповъ... Развѣ не въ гнѣвѣ сбросили они ихъ съ отвѣсныхъ, мрачныхъ громадъ, недоброжелательнымъ хоромъ окружившихъ дерзкое бѣлое капище?

Властно разсѣкая тьму, стаи огромныхъ орловъ безпокойно рѣятъ, стремительными кривыми, по всѣмъ направленіямъ; въ густомъ, душащемъ, полномъ фосфора и электричества, воздухѣ — слышно слишкомъ близко, сейчасъ подъ ногами, жуткое шуршанье сильныхъ крыльевъ...

Невольно отступаешь отъ пропасти... Мифъ о Ганимедѣ закрадывается несмѣло въ голову... Оглушающій трескъ и сверканіе настолько сильны, что кажется молнія пронзаетъ насквозь — еле держишься на ногахъ. Мы невольно отворачиваемся въ сторону trattoria и уже одинъ оперный видъ ея отнимаетъ остроту страстей...

Сѣровъ увѣряетъ, что онъ голоденъ; чувствую что-то вродѣ признательности за этотъ простой поворотъ къ повседневной, житейской нуждѣ; къ комнатѣ съ чисто накрытымъ столомъ, гдѣ среди черныхъ бутылокъ мой аскетическій глазъ съ удовольствіемъ примѣчаетъ — сваренныя въ крутую яйца, на горкѣ сѣрой соли, нѣсколько свѣжихъ сыровъ и тарелку миндаля съ изюмомъ.

Какъ хорошо сейчасъ обѣдать подъ низенькимъ бѣлымъ потолкомъ, утираться чистенькими ярко-расшитыми салфетками, тянуть съ терпкимъ виномъ уже сонную кулинарную бесѣду про горные обѣды, про козій сыръ — куда вкуснѣе голландскаго съ черствымъ пумперникелемъ, который подавали, бывало, у Лейнера въ Петербургѣ... Ахъ, ресторанъ Лейнера!

И я сантиментально распространяюсь объ старой, почтеннѣйшей Лейнершѣ, толстой апоплектически-фіолетовой вдовѣ, объ ея классическихъ обѣдахъ въ рубль серебромъ, — ресторанъ, гдѣ мы были долголѣтними почтенными завсегдатаями...

— «Да, почетными! Помнишь, какъ она намъ поднесла по настоящему серебряному стаканчику въ память десятилѣтней вѣрности?! Помнишь? а еще пом-

нишь, какое удивительное мюнхенское подавали? Черное, густое... а нѣмцы Лейнеровскіе — что за народъ!

— Помнишь еще, какъ мы тамъ подслушали въ нужникѣ двухъ пожилыхъ нѣмцевъ, тяжко облегчавшихся:

— «Kannst-du noch, Андрушша?

— Абяззательно!»...

Сѣровъ добродушно смѣется, медлительно раскуриваетъ сигару.

О Дельфахъ, о грозѣ — ни слова.

Но прежде чѣмъ лечь въ душной, крохотной комнаткѣ, я раскрываю настежъ — точно риголеттовскій герцогъ для каватины — небутафорское окно.

Гроза ширится, крѣпнетъ. Моментами романтическій вѣтеръ затихаетъ и тяжкая тишина, предвѣстникъ оглушительнаго эпическаго грохота — невыносима; невыносима какъ спазмъ ребенка, который вслѣдъ за паденіемъ молчитъ три ужасныхъ секунды и вдругъ раздираетъ воздухъ неистовымъ крикомъ — отъ котораго все-же легче.

Безпрерывныя широкія молніи рѣжутъ гигантскимъ лезвеемъ глазъ — еще бархатнѣе и диче кажется бездонная пропасть подъ окнами.

Иногда кошмаръ, самый жестокій, мучаетъ тѣмъ, что все падаешь и падаешь со страшной высоты въ черныя безвѣстныя глуби, и тѣлу щекотно до дурноты отъ безпочвенности подъ ногами... Вотъ — что, близко къ этому кошмару, почувствовалъ я, силясь выдержать грозу у открытаго окна — щекотка, сестра смерти, подбиралась ко мнѣ...

Какая странная, какая страшная декорація!... Вокругъ по утесамъ, точно колизей для Циклоповъ, точно сказочный птичникъ для саженныхъ орловъ — черныя, глубокія дупла — ниши — все давно опустѣвшія гробницы пилигриммовъ Эллады и Этруріи, могилы фило-

софовъ, жрецовъ, жившихъ, учившихъ и проповѣдовавшихъ подлѣ славнаго Капища.

Давно истлѣли въ нишахъ кости стоиковъ и софистовъ, строившихъ хитроумныя системы, искавшихъ смыслъ бытія... И теперь, какъ и три тысячи лѣтъ тому назадъ — гремитъ весною Зевсъ посреди стаи испуганныхъ молніями орловъ и каждую весну въ темномъ Аидѣ, окаменѣлая отъ горя Персефона — косая, страшная, — въ глубокомъ базальтовомъ креслѣ, злобно ждетъ къ себѣ изъ запретной, зацвѣтшей земли, легковѣрныхъ, хрупкихъ дѣтей солнца — людей...

Парижъ, 1922.

Печатано въ Типографіи
Библіографическаго Иститута
въ Лейпцигѣ
для Издательства «СЛОВО»
Берлинъ